

В.М. Мунипов: просматривая фотографии и вспоминая встречи

В.В. Можайский*,

Психологический и консалтинговый центр «На Кутузовском», Москва, Россия,
seasons@list.ru

Я вновь просматриваю старые черно-белые потрёпанные и относительно недавние фотографии Владимира Михайловича, которые переснял в процессе разбора его архива вместе с коллегами из университета на Сретенке, где он преподавал. Точнее разбора того, что осталось из его личной библиотеки, рукописей, документов и фотографий после страшного пожара, безжалостно уничтожившего уютный дом, где он жил со своей женой Галиной Георгиевной Вучетич, так трепетно, заботливо и со вкусом его обустроившей. Сгорела библиотека, насчитывавшая более шести тысяч единиц, в том числе, редчайших книг, сгорело множество фотографий. Сгорела и та, что стояла в большой комнате на пианино. На ней Владимир Михайлович с красивым белобородым человеком — Святославом Рерихом во время своей рабочей поездки в 80-х годах в Бангалор с выставкой достижений наших умельцев — художников, инженеров, дизайнеров. Сколько интересного рассказывал мне ВМ об этой необычной и неожиданной встрече с художником и ученым, с его женой Дэвикой, на долю которых под конец жизни тоже выпали тяжелые испытания. Странные параллели, вновь и вновь побуждающие задуматься о невидимых и, порой, трагических совпадениях и взаимосвязях.

Этот пожар, причиной которого стал резкий перепад напряжения в сети и с которым не справился домашний электротрансформатор, по сути, и определил дальнейший трагический ход событий — уход из жизни сначала Галины Георгиевны, а потом и самого ВМ. Шок от потери любимого и теплого домашнего очага, не смотря на самую активную и дружную моральную и материальную поддержку друзей, знакомых, коллег, судя по всему, оказался слишком велик. А для ВМ к нему ещё добавилась и потеря любимой жены, к которой он так был привязан. Да уж, «пришла беда — отворяй ворота...», как говорится.

К счастью, некоторые из старых и очень интересных фотографий сохранились в его московской квартире. Черно-белые, с желтоватыми, выющимися по поверхности тонкими трещинками — «как поло-

жено» на старых фото. Некоторым из них около семидесяти лет! Вот он — подросток, зимой в простом и дешевом пальтишке и шапке на затылок и открытым немного сосредоточенным лицом, в кампании мальчишек — своих сверстников у стен какого-то учреждения. Похоже, это период эвакуации во время войны в Кандалакшу. Все ребята одеты одинаково, разве что некоторые в шапках, а другие в характерных для того времени драповых фуражках. Вот ему не больше семнадцати, он в темном пиджачке, немного смущенно улыбается в объектив своей добродушной и, как кажется, наивной улыбкой. Вот он уже серьезный, в овальчике «в полупрофиль» на общей фотографии выпуска философского факультета МГУ — дипломированный специалист. Немного выше на этом фото — Мераб Мамардашвили — в будущем крупный философ, мудрец, с которым ВМ дружил и которым рассказывал много малоизвестных фактов, показывающих «Мераба» — так он его называл с очень неожиданных сторон. Чуть правее, в этой же линейке овальчиков на фото — Раиса Титаренко — будущая жена «глашатая» перестройки и первого и последнего президента Советского Союза. Ее, к слову, ВМ лично учил кататься на коньках. А вот два интересных черно-белых фото, судя по всему, примерно одного периода. Владимиру Михайловичу тридцать пять — сорок лет. Фотограф, на мой взгляд, очень удачно запечатлел ВМ. Обе фотографии — «непостановочные» и поэтому получились очень живыми и непосредственными. На обеих — он очень элегантен, в красивых и модных, судя по всему для того времени костюмах, рубашках, галстуках. неброская элегантность — его стиль! Но самое бросающееся в глаза — это выражение лица и его глаз. На одной — он глубоко погружен в какие-то размышления, но в глазах и мимике явно проступает грусть или сожаление, возможно «печальный покой» при столкновении со своими размышлениями. На другой — совершенно другое состояние! От фотографии веет обаянием, энергией, напором, уверенностью, даже азартом, но вполне контролиру-

Для цитаты:

Можайский В.В. В.М. Мунипов: просматривая фотографии и вспоминая встречи // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 116–119. doi:10.17759/chp.2016120113

* Можайский Владислав Валерьевич, руководитель, Психологический и консалтинговый центр «На Кутузовском», Москва, Россия. E-mail: seasons@list.ru

емыми, как мне кажется и поэтому очень притягивающими. Так иногда выглядят опытные и уверенные в своей победе спортсмены перед соревнованием, перед схваткой. А вот — уже более поздние, в том числе и последние фотографии — они уже цветные, где он со своими коллегами и друзьями. Почти на всех бросается в глаза его выделяющийся крупный лоб. Видно как в какой-то степени изменилась, если можно так выразиться, эволюционировала форма его головы с явным акцентом на лоб, а наивный и добродушный взгляд сменила какая-то мудрая хитрость в глазах — возможно неизбежная физиогномическая печать многих лет непростой жизни вообще, в науке и нашей стране, в частности. Череду фотографий, череда запечатленных мгновений жизни — встреч, событий, состояний, чувств, мыслей...

Я познакомился с Владимиром Михайловичем в сентябре 2000-го, в начале учебного года на кафедре психологии университета «Дубна», где он в это время уже преподавал некоторое время. Нашу первую встречу с ВМ я запомнил достаточно хорошо. Помню, как приехав в первый раз в университет и имея некоторое время в запасе до начала своих занятий со студентами, я внимательно изучал всю «настенную» информацию, активно покрывавшую разноцветными листками одну из стен помещения кафедры. Два разноцветных листка с фотографиями были посвящены двум «главным» профессорам кафедры — В.П. Зинченко и ВМ.

Прочитав листок, посвященный ВП, я перебрался ко второму и начал читать. Прочитав почти полностью весь текст, я заметил боковым зрением, как кто-то вошел в дверь. Я невольно оторвался от чтения и, повернувшись, увидел перед собой открытое улыбающееся лицо худощавого человека 65–70-ти лет, немного выше среднего роста, слегка сутулящегося, в клетчатом зеленоватом пиджаке на водолазку «под горлышко», с крупным выпуклым лбом над восточным разрезом внимательных глаз. Он посмотрел на меня с какой-то то ли искринкой то ли хитринкой, и я сразу узнал в нём того, о ком только что прочитал в настенном листке. Вот, Владимир Михайлович, — начал я сходу, — читаю о вас... (по-моему, я сказал — «информационный бюллетень»). Он засмеялся, поздоровался своим приятным вкрадчивым баритоном, и я представился ему.

Сейчас я понимаю, что есть в этом свой некоторый символизм — новое столетие и новое тысячелетие, почти в самом своем начале, подарили мне знакомство с этим необычным человеком. Знакомство, переросшее в интереснейшее профессиональное общение, в том числе, и за пределами кафедры, а затем и в дружбу, продлившуюся почти двенадцать лет, вплоть до его кончины. Конечно, тогда невозможно было предугадать, что мы станем хорошими друзьями, что он будет доверять мне многие свои, в том числе, сокровенные переживания и мысли о жизни, о психологии, образовании, науке, политике, о происходящем в нашей стране, о мироустройстве вообще и многом другом. Как невозможно было предугадать, что мне придется разделить с ним, в том числе, тра-

гические события последних лет его жизни, которые он мужественно переносил и которые, в итоге, «подкосили» его здоровье. Невозможно было предположить и то, что мне придется закрыть ему глаза, когда он покинет этот мир в один из апрельских дней 2012 года, будучи уже тяжело больным. Что мне доведется нелегкая роль ведущего панихиды, его похорон и поминок. Помню, как слова путались в голове и застревали в горле, я старался себя контролировать, но у меня это получалось не очень хорошо. К тому же, день похорон ВМ совпал с годовщиной смерти моего отца. Тем не менее, я хорошо помню, что все прошло светло, по-доброму и без надрыва. Друзья, коллеги и родные вспоминали истории из жизни Владимира Михайловича, порой трагикомические, которые он сам же и рассказывал, а также истории, связанные с ВМ, непосредственными участниками которых были сами присутствующие.

Тогда же, не договариваясь, пришли проститься с ним и его студенты, которым он преподавал, живо, увлеченно и даже порой азартно делясь с ними своими знаниями, жизненным опытом, своим пониманием сути вещей и которым передал частичку своего человеческого обаяния и тепла. Присутствие студентов на прощании с ВМ (именно студентов, а не только коллег, друзей, родных) было, в определенной мере, доброй данью его теплу, человеческому таланту, его личности, которыми они были щедро одарены в период своей учебы в университете, это было мерилом и показателем того, каким он был человеком, коллегой, профессионалом, учителем.

Философу Г.С. Померанцу принадлежит выражение: «дьявол начинается с пены на губах у ангела...», а ещё слова о том, что стиль беседы или дискуссии, порой важнее самого предмета дискуссии. Я не знаю, был ли знаком ВМ с Померанцем, во всяком случае, он мне об этом не рассказывал. Но совершенно точно, Владимир Михайлович своей терпимостью, дипломатичностью, попыткой понять собеседника, его правду абсолютно воплощал в жизнь эту мысль философа. От него всегда исходили доброжелательность и уважение к тому, с кем он общался, разговаривал, обсуждал какие-либо вопросы, даже, если собеседник ему не очень нравился.

Конечно, помимо его человеческого обаяния, таланта рассказчика, его гостеприимства и хлебосольности меня всегда поражали его глубокие и разносторонние познания не только в области общей психологии, психологии труда, эргономики в которой он занимал лидирующие позиции, как ученый с мировым именем. Культурология, искусствознание, медицина, западная и восточная философская мысль, история, политика, спорт, религия — все это были области его живого интереса и даже исследований. Какое счастье встретить человека, собеседника, коллегу, друга, общаясь с которым можно было столько всего узнать! Как здорово, что «логистика» нашего преподавания в Дубне предполагала примерно двухчасовые совместные поездки из Москвы в Дубну и обратно, в первое время почти каждую неделю! Примерно за десять лет совместной

работы на кафедре мы «намотали» с ним тысячи километров интереснейших бесед и споров «обо всём на свете».

Он много рассказывал о своей жизни, о детстве и отрочестве, часть которого пришлось на войну и эвакуацию, о родителях — отце, который был одним из первых московских метростроевцев. О своём практически профессиональном увлечении спортом и достижении мастерских высот в конькобежном и велосипедном видах. О нелёгкой, но безумно интересной работе учителя после университета в одной из центральных московских школ на Староконовском, затем работе завуча и директора этой же школы. О своих учениках, многие из которых были детьми членов правительства и центрального аппарата, а один из них — В. Буковский стоял в основании диссидентского движения в СССР. Интересно, что когда ВМ уже лежал в больнице в тяжелом состоянии, приехав навестить его и сменив «на посту» его родную сестру Тамару Михайловну, я вдруг увидел, что он спит, а рядом на прикроватной тумбочке тихо работает его переносной радиоприемник. Транслировали какой-то радио-эфир, и в этом эфире выступал Буковский. ВМ спал и не слышал этого. «Ученик прощается со своим учителем», — подумал я. Совпадения — опять совпадения...

Помню, как Владимир Михайлович рассказывал об участии вместе с В.П. Зинченко, по просьбе руководства страны, в профессиональном кадровом отборе членов российского правительства в перестроечные годы. К слову сказать, один из эффективно действующих сегодня министров С.Шойгу, был среди тех, кто прошел этот отбор. ВМ рассказывал о своих учителях и коллегах в психологии, философии, психотехнике, эргономике, рассказывал о путешествиях, связанных главным образом с его профессиональной и научной деятельностью, о незабываемых встречах с потрясающими людьми, оставившими след в мировой культуре, науке, искусстве, политике, религии. Вот выборочно только несколько, в том числе уже упомянутых имен: Мераб Мамардашвили, Святослав Рерих, Святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий), Михаил и Раиса Горбачевы и многие, многие другие.

Я хорошо помню его рассказы о курьёзных и драматических событиях своей жизни, слушая которые, мне хотелось порой смеяться и плакать одновременно! Он рассказывал о простых, но не менее интересных и замечательных людях, с которыми сводила его жизнь, с которыми он общался с удовольствием и которых хорошо понимал. Понимал их, к слову сказать, во многом и потому что сам отличался простотой в самом хорошем смысле этого слова. Вообще ВМ отличался, я бы сказал, той самой простотой и приземленностью, на которые способна только большая

личность, без пафосной оглядки на все свои достижения, статусы и регалии. Как сегодня многим в науке этого не хватает! И не только в науке.

Сейчас я понимаю, что в результате наших бесед, я невольно получил, по сути, ещё одно и очень живое образование — своего рода «образование в пути», без аудиторий, семинаров и дипломных работ. Это была, своего рода, «живая традиция» в передаче знания и опыта, как говорят на Востоке. Вероятно, не случайно и сам ВМ внешне, в своих неторопливых движениях, походке, внимательном взгляде, в своей немногословности и умении слушать, в дружелюбном отношении к окружающим и дипломатичности, в стремлении понять другого, даже если он не разделял его точку зрения, напоминал восточного мудреца или буддийского монаха¹. Вероятно не случайно, в одном из последних текстов, написанных Владимиром Михайловичем в качестве рецензии на книгу своей шведской коллеги о русских художниках-конструктивистах, органично переплелись психология, культурология, философия и эзотерическое знание. И конечно не случайно, в свое время, великий русский ученый В.И.Вернадский, изучавший, в том числе и Восток, предвидел довольно парадоксальные пока ещё для нашего рационального ума научные перспективы, сказав, что «в будущем своем наука пойдет путем буддизма»². Во многом, благодаря Владимиру Михайловичу состоялся один из самых интересных и поучительных в моей жизни «университетов». И я благодарен судьбе, что наши с ним пути в этом мире пересеклись.

«Ну что, я прожил большую и интересную жизнь...», — тихо, спокойно сказал мне как-то ВМ в очередной мой визит к нему в больницу. Сказал немного отрешенно, как мне показалось, поглядывая в больничное окно, за которым открывался чудесный зимний пейзаж Матвеевского леса. Я понял, что, вероятно, он вел какой-то внутренний диалог с самим собой, наверное, уже понимая возможный исход своей болезни и, как бы, подводя этой фразой итог своей жизни. Слезы навернулись у меня на глазах от острого ощущения присутствия рядом со значимым и близким мне человеком, который понимал, что его жизнь уже на излете, и счет идет на недели, дни, часы... Я видел перед собой изрядно похудевшего от болезни и без того худощавого человека, слышал его приятный и вкрадчивый, но уже слабеющий голос, видел хорошо знакомую мне улыбку на его губах. Лишь привычные хитринка и искринка во взгляде сменились едва заметной грустинкой, а ещё другим, незнакомым мне выражением глаз человека, который внимательно всматривался в пройденный им жизненный путь. Путь яркий, богатый на встречи и события, открытия и достижения — свой земной путь перед переходом в вечность.

¹ Примечательно, что в классификации человеческих рас, подрас и этнических типов ВМ абсолютно подходил под «тибетский» тип (северная индия), примечательно и то, что его ближайший друг и коллега В.П. Зинченко — под «южно-индийский».

² Росов В.А., Вернадский и русские востоковеды, Сердце, С-Пб, 1993.

V.M. Munipov: Looking though the Photographs, Thinking of the Days

V.V. Mozhaisky*,

Counseling Center "Na Kutuzovskom", Moscow, Russia,
seasons@list.ru

For citation:

Mozhaisky V.V. V.M. Munipov: Looking though the Photographs, Thinking of the Days. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 116–119. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/pse.2016120113

* *Mozhaisky Vladislav Valeryevich*, Head of the Counseling Center "Na Kutuzovskom", Moscow, Russia. E-mail: seasons@list.ru